

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР ИЗБИРАТЕЛЯ

КОМАРОВСКИЙ Владимир Савельевич — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом Российской академии управления. Постоянный автор нашего журнала.

Некоторые вопросы теории и методов

Долгое время наши социологи не баловали вниманием предвыборные кампании. Положение изменилось в 1989 г., когда впервые в истории Советского государства избиратель получил право реального выбора народного депутата СССР из нескольких кандидатур (хотя и не везде), а процедура голосования приобрела смысл лично мотивированного политического акта. Различные социологические центры страны откликнулись на новую ситуацию серией исследований, посвященных главным образом изучению намерений и поведения избирателя. Эти исследования, похоже, не отличались глубиной или строгостью технологии проведения. (Скажем, порой интервью брались прямо на улице у случайных прохожих.) Но к новому делу публика проявила большой интерес, и полученные результаты охотно печатала центральная пресса.

Постепенно исследовательская проблематика углубляется, становится фундаментальной. Активно начинают обсуждаться такие вопросы как типология избирателей, роль средств массовой информации, стратегия и тактика партий, политических объединений на выборах. В конце 1989 г. уже вышла первая обобщающая книга «Время выбора» [1], где не только анализируются эмпирические данные, но и обсуждаются теоретические проблемы.

Выборы-90 в республиканские и местные органы власти, без сомнений, позволили социологической науке сделать шаг вперед. Обстоятельно стали изучаться темы анализа социально-экономической ситуации накануне выборов, формирования имиджа кандидата в сознании избирателей. Широко использовался весь основной арсенал современных социологических средств: помимо многочисленных и разнообразных опросов, осуществлялись включенное наблюдение за ходом митингов, собраний, встреч кандидатов с избирателями, контент-анализ газет, листовок, разбор программ депутатов и политических объединений, интервью с экспертами.

Все это, казалось, давало основания с оптимизмом смотреть на развитие данного направления отечественной социологии. Выборы Президента России, однако, многое поставили под сомнение. Начнем с того, что прогнозы ряда социологических центров относительно исхода голосования не подтвердились. Причем ошибка в предсказании результатов составила не 2—3% (как это чаще всего случается на Западе), а несравненно больше. Сие, конечно же, нанесло серьезный ущерб престижу социологов. Надо ли доказывать, что не про-

анализировав глубоко истоки и причины этой и других допущенных ошибок, мы не сможем двигаться дальше.

О достаточно очевидном — коротко. Ясно, что в данном случае проявились прежде всего общие слабости социологической службы (отсутствие хороших выборов, плохая подготовленность корпуса анкетеров и интервьюеров и т.п.), политическая заангажированность значительного числа социологов, а также трудности, связанные со становлением нового направления исследований. Кампания по выборам Президента России была скоротечной. Социологи не успели подготовиться. Один пример в подтверждение: даже ВЦИОМ, пользующийся солидной репутацией, не всегда мог опросить сельское население республики, без чего, строго говоря, твердой уверенности в достоверности общей картины результатов выборов нет.

Разумеется, в одночасье всех проблем не решить. Поэтому сосредоточимся в основном на некоторых из них, связанных с уровнем теоретической проработки процесса предвыборных кампаний и поведения избирателя. Подавляющая часть исследований была посвящена по существу одной теме: кто и где будет голосовать «за», а кто и где «против». При этом обычно молчаливо исходили из предпосылки, что никаких сложностей тут не ожидается — всего лишь спросить, кому намерен отдать голос избиратель. А между прочим, это далеко не так. Например, наши социологи не располагают пока ни опытом наблюдений, ни соответствующим теоретическим подспорьем, вразумительно разъясняющим, по каким правилам, как «раскладывается» та часть избирателей, которая не определила четко свою позицию к моменту опроса или даже не решила, примет ли участие в голосовании. Понятно, что при двух кандидатах мы будем иметь один расклад, при пяти—шести — иной, при тех же пяти—шести и наличии явного фаворита — третий.

Не менее очевидно и другое: получить удовлетворительный ответ на этот, как будто бы, частный вопрос нельзя без предварительного теоретического анализа. Сразу оговоримся: предложить сегодня какую-либо безукоризненную концепцию социологического познания выборов практически невозможно. Во-первых, не накоплен еще необходимый эмпирический материал. Во-вторых, пока затруднительно сколько-нибудь полно адаптировать большой теоретический багаж зарубежной социологии. Это вытекает из специфики ситуации, в которой находится наша политическая система. Глубокая трансформация (точнее, ломка) общественных структур требует новых методических и методологических подходов для осмысления складывающейся и постоянно меняющейся обстановки. Вместе с тем, как справедливо отмечают специалисты, современная наука (в том числе и западная) имеет довольно богатый опыт изучения лишь «готовых», сложившихся социальных институтов, взаимодействия и баланса их компонентов, но отнюдь не неравновесных, несбалансированных взаимосвязей, свойственных процессу перелома, перехода к новым структурам и типам общественной организации [2]. По-видимому, понадобятся время и условия, прежде чем можно будет приступить к фундаментальному освоению интересующей нас тематики.

Проблему выборов изучают различные науки. Специфику социологического подхода к ней, думается, лучше всего отражают методологические положения М.Вебера о сознательном, субъективно мотивированном индивидуальном действии [3]. Исходя из них, попробуем выяснить два существенных вопроса.

Первый — в какой степени поведение избирателя во время выборов явилось отражением его стремления к лично мотивированному участию в политической жизни, выполнению гражданского долга. В недалеком прошлом между поведением наших граждан в сфере политики и состоянием общественного сознания часто возникала дистанция огромного размера. В полной мере это касалось и выборов. Люди дружно шли к избирательным урнам и отдавали свои голоса вовсе не потому, что одобряли соответствующего кандидата, механизм его выдвижения,

деятельность Советов, а лишь в силу того, что относились к этой процедуре как пустой формальности, неисполнение которой, тем не менее, влекло за собой определенные неприятности. В изменившейся ситуации мы вправе ожидать взаимосвязей другого порядка. Наш избиратель, по существу, впервые сталкивается с новой, непривычной для себя ситуацией, когда демократия во многом обретает свое реальное содержание. В этом смысле действия избирателя, безусловно, носят *инновационный характер*, что заставляет быть осторожным при формулировке выводов и оценок. Вот почему несомненный интерес представляет сравнение поведения электората трех выборных кампаний — 1989, 1990 и 1991 гг., — позволяющее выявить устойчивые элементы ориентации избирателей.

Второй вопрос — об уровне компетентности выбора, т.е. способности избирателя разобраться в политической ситуации и платформах кандидатов, знании соответствующего законодательства и т.д.

Как известно, демократично организованные выборы являются одним из важнейших показателей отношения населения к политическим институтам общества, партиям, лидерам, общественным организациям, служат основой для коррекции или радикального изменения правительственного курса. Избиратели оценивают программы решения злободневных и перспективных социально-экономических задач. Это нелегко сделать рядовому человеку в любой стране, а у нас — в особенности.

В странах с устоявшимися демократическими традициями, развитым законодательством на помощь избирателю приходят партии. Выборы здесь означают, по сути, раскрытие отношений следующей триады: гражданское общество — политические движения — государство. Причем партии играют роль воего рода «посредников» между обществом и государством. Такова главная функция, которую они реализуют в современном демократическом обществе — на выборах, в частности. В нашей же практике заметны отзвуки существовавшей в течение длительного времени однопартийной системы, отчего на серии прошедших в последние годы выборов четкая поляризация политических позиций имела место далеко не всегда. В подобных обстоятельствах избиратель мог реально оценивать не программу политического движения, а в первую очередь личность самого кандидата, его собственные программные установки. Словом, выбор мог и не носить политической окраски. Анализ выбора как проявления политических, партийных симпатий и антипатий, т.е. определение меры партизанности этого действия представляется важной задачей социолога, занимающегося данной проблематикой.

Показателями того, что поведение избирателя в предвыборной кампании продиктовано субъективными мотивами, стремлением участвовать в политической жизни, выполнить гражданский долг, являются интерес к выборам и заинтересованность в их исходе. Такое состояние находит отражение в совокупности индикаторов: знание законодательства о выборах; знакомство с программами и биографиями кандидатов, платформами политических сил, участвующих в выборах; получение соответствующих сведений из средств массовой информации; участие во встречах с кандидатами; обсуждение выборной тематики в кругу семьи; агитация «за» или «против» того или иного кандидата; оказание поддержки своему кандидату в различных формах.

Что касается самого факта участия-неучастия в выборах, как показателя личной позиции избирателя, то он далеко не универсален. Ибо его значимость прямо зависит от законодательно регламентируемой организации выборов. Аналогичную точку зрения высказывают и западные социологи, которые подчеркивают, что относительно низкий процент участия американцев в голосовании по сравнению с другими цивилизованными странами Запада во многом объясняется трудностями регистрации избирателей. Наиболее высоким он оказывается там, где

голосование, согласно существующему законодательству, есть обязательный акт гражданина [4].

Часть названных индикаторов может служить также в качестве показателей компетентности выбора, которая предполагает и необходимую информированность, и известную политическую активность. Однако о подлинно компетентном выборе говорить правомерно лишь в том случае, когда избиратели адекватно осознают, насколько их интересы (с учетом того, что они могут быть разными: от ближайших до перспективных, коренных) соответствуют содержанию платформы поддерживаемой ими политической силы. Выборы Президента России дали в этом плане немалый исходный материал. Позиции соперничающих сил и основные линии противостояния по кардинальным проблемам были обозначены и, что не менее важно, всем была предоставлена широкая возможность ознакомиться с выступлениями кандидатов, где излагалось понимание каждым из них направленности и масштабов переустройства общества, социальных последствий внедрения рыночных отношений. Не трудно выявить, как избиратель представляет позицию кандидата по такого рода проблемам и какую занимает он сам, сравнить их. «Точка отсчета» — экспертная оценка. Если избирателем правильно воспринимается позиция баллотирующегося, и она близка к собственной, то выбор компетентен по данному программному критерию.

Следующий вопрос, встающий в этой связи, — оценка способности кандидата воплотить в жизнь свою программу. Возможное методическое раскрытие этого вопроса сопряжено с анализом механизма принимаемого решения о голосовании.

Известно, что некоторая часть избирателей вообще не участвует в голосовании, другая — голосует против всех, третья — голосует за кого-то, фактически, не имея заранее выработанного намерения. Характеристики электорального поведения могут стать одной из основ его классификации. Чем весомее факторы, определяющие выбор, тем компетентнее решение. В принципе еще до начала предвыборной кампании у избирателя должен сложиться *образ идеального кандидата*, который, естественно, неодинаков для различных групп населения. Этот образ, так сказать, руководит будущими действиями электората. Процесс принятия решения заключается в том, чтобы соотнести модель с действительностью. Три фактора тут особенно существенны: а) модель совершеннее, когда в ее основу положены фундаментальные признаки, б) при сопоставлении модели и реального претендента необходима соответствующая информация о нем, в) чтобы такую получить, надобны желание и определенные усилия.

Можно выделить основные критерии, характеризующие избирателя с интересующей нас точки зрения: его представления о функциях и задачах деятельности депутатского корпуса разного уровня, конкретного должностного лица (президента, мэра и т.п.); восприятие значимости различных социальных, демографических и прочих внешне легко фиксируемых признаков кандидата; предпочитаемые ориентиры выбора, связанные с личными и общественно-политическими качествами лидера (честность, компетентность, воля и т.д.).

Конечно, изложенное не исчерпывает проблематики социологического исследования предвыборных кампаний. Укажем без какого-либо рассмотрения еще на несколько важнейших ее составляющих. Прежде всего это социально-экономическая и политическая обстановка в стране (республике, регионе), которая создает фон выборов и накладывает отпечаток на отношение избирателя к ним. Это и те средства, с помощью которых ведется борьба между кандидатами (пропаганда их программных установок, тиражирование листовок и плакатов, организация встреч с избирателями и т.д.), это и существующая практика применения законодательства о выборах, способствующая или препятствующая развертыванию активной агитационной работы.

Первый опыт свободных выборов

Попытаемся теперь на базе эмпирического материала, поставленного выборами 1989, 1990 и 1991 гг., показать, что из себя представляет наш избиратель и как работает соответствующий методический инструментарий в рамках исследования трех основных упоминавшихся проблем: уровень партизации выборов, интерес избирателя, компетентность его решения.

Говоря о выборах народных депутатов СССР, нужно подчеркнуть следующее. Во-первых, законодательство, касающееся их проведения, было далеким от совершенства, и 2/3 охваченных всесоюзным опросом считают назревшим внесение в него изменений. Кроме того, в ходе выборов-89 партийные комитеты и советские органы оказывали серьезное давление на избирателя, что признавало более 40% опрошенных¹. Иными словами, выборы не стали достаточно демократичными, честными, справедливыми. Во-вторых, то была первая за многие годы избирательная кампания, предоставившая, правда, не повсеместно, возможность реального выбора. И, в-третьих. За отдельными исключениями, в стране тогда еще не сложились и не сумели организзоваться оппозиционные КПСС политические силы, могущие предложить свое видение перспектив, задач, путей и методов развития общества. Поэтому люди выбирали скорее «хороших» депутатов, чем хорошую политику, а во многих местах — сельских районах, в особенности, — просто голосовали по старой привычке за единственного кандидата, как правило, партийного функционера или номенклатурного работника. Напомним также, что существование 6-й и 7-й статей Конституции СССР, законодательно закрепляющих привилегированное положение КПСС в государстве, ставили все альтернативные политические движения в крайне трудное положение. Не случайно в ряде регионов (северо-западные области РСФСР, Урал, Южная Сибирь, Дальний Восток, южные области Украины) принадлежность кандидата к партийной бюрократии предопределяла исход голосования [5, с. 118].

Относительно двух других выделенных нами оснований для анализа выборов и электорального поведения масс. Отметим в первую очередь высокий, но не равномерный по регионам и социально-демографическим группам, уровень интереса к выборам-89. Это прослеживается едва ли не по всем основным показателям: количеству лиц, принявших участие в голосовании, знанию избирателями платформ кандидатов, активности на встречах с ними, митингах и собраниях. К примеру, свыше половины избирателей участвовали в той или иной форме в выдвижении и обсуждении кандидатур, 70—80% знали (либо представляли в общих чертах) предвыборные программы соискателей, более 90% знакомы с соответствующими материалами средств массовой информации [1, с. 24]. Высокий уровень интереса не обеспечил тем не менее требуемого уровня компетентности выбора. Об этом свидетельствуют как результаты работы народных депутатов СССР, так и общественное мнение. По данным одного из опросов, в декабре 1991 г. лишь примерно 1/3 респондентов проголосовала бы за того же самого кандидата, что и в 1989 г., остальные — за его соперника или кого-либо другого, а то и вообще не приняли бы участия в голосовании.

Выборы-90 в республиканские и местные органы власти проходили в заметно иных условиях. К этому времени были отменены названные статьи союзной Конституции, открылась дорога к формированию многопартийной системы. Законодательство о выборах стало значительно демократичнее. Приобрел опыт участия в реальных выборах и избиратель. К тому же, в массовом сознании рассеялись последние надежды и иллюзии, связанные с тем, что перестройка способна в обозримом будущем разрешить насущные нужды и заботы народа,

¹ Здесь и далее эмпирическая база статьи — вторичный анализ данных, опубликованных как в цитируемых источниках, так и журналах «Социологические исследования» (1990, N 1, 1991 6), «Народный депутат» (1990, N 14).

улучшить тяжелое экономическое положение страны, внести позитивные изменения в сферу быта. Нарастали кризис доверия, волна критики в адрес центрального руководства, правящей партии коммунистов, местных органов власти.

В ряде республик к началу выборной кампании уже сложились сильные и влиятельные оппозиционные силы. Так, в Грузии, прибалтийских республиках полностью сформировались народные фронты — фактически избирательные блоки альтернативных партий, хорошо организованные, располагающие материальными и финансовыми ресурсами для ведения выборной борьбы и тщательно к ней готовящиеся. Эти политические движения поставили перед собой задачу не только победить на выборах, но и отделиться от СССР, изменить в своих республиках социально-экономический строй.

С точки зрения политического фона выборов в республиках их можно сгруппировать таким образом:

—республики, где имела сильная, влиятельная, организованная оппозиция КПСС, республиканской компартии, коммунистической идеологии, в противовес которой выдвигались идеи национального возрождения или открыто националистические (к этой группе причислим Прибалтику и Грузию);

—республики, где оппозиция хотя и существовала, но была недостаточно сильна и влиятельна или к моменту выборов ее противостояние КПСС и коммунистической идеологии еще не носило характера ярко выраженной политической борьбы за власть, преследующей принципиально иные цели (в эту группу считаем возможным включить РСФСР, Беларусь, а также с оговорками — Украину, где суть выборов в значительной степени определялась противостоянием двух сил: компартии и «Руха»²);

—республики, где оппозиция не смогла оказать существенного влияния на ход выборов (сюда отнесем Казахстан и Среднюю Азию).

Давая общую оценку особенностей выборов в перечисленных группах республик, можно с некоторой натяжкой сказать, что в первой они по своему содержанию были политической борьбой различных партий, во второй — преимущественно соперничеством различных фракций одной партии, в третьей — пожалуй, состязанием кандидатов не на партийной основе.

Несмотря на то, что выборы-90 были, несомненно, демократичнее прежних и решали более масштабные задачи, в целом по стране интерес к ним упал. Это проявилось в снижении числа голосовавших (исключая республики Средней Азии), менее активном участии в мероприятиях предвыборной кампании и т.д. Падение интереса к выборам связано не только с резким ухудшением экономической ситуации, разочарованием в институтах демократии, низкой эффективностью работы Советов, но и с массой организационных просчетов, допущенных в отдельных республиках. Сошлемся на РСФСР: в нескольких обследованных нами областях плакаты с программами и биографиями кандидатов появились за 7—10 дней до выборов. И это при том, что избирателю иногда предстояло одновременно делать выбор из 20—30 кандидатур разного уровня (в республиканской, областной, городской, районный Советы). До 1/3 электоров принимали решение, за кого именно они будут голосовать, непосредственно на избирательном участке, т.е. полагаясь на волю случая или какие-то сугубо внешние признаки (на выборах-89 таких избирателей насчитывалось немногим выше 20%). Заметим, однако, что в сознании большинства избирателей все-таки присутствовало некое представление о требуемом кандидате, которое (наряду с программой) в первую очередь влияло на осуществляемый ими выбор. Честность и справедливость (90% опрошенных), деловитость, предприимчивость и умение довести дело до конца (80%), знание реальных проблем жизни района, города, области (70%), способность убеждать и отстаивать свою позицию (60%), общая культура, широта и

²«Рух» организовался много позднее народных фронтов в других республиках, но к моменту выборов он уже успел разработать «Программу движения к лучшему обществу», которую пронизывает идея достижения Украиной экономического и политического суверенитета.

перспективность мышления (50%) — вот те качества, которые хотели бы видеть люди у своих политических избранников. Примерно 1/3 указывала на необходимость политического опыта. Все названное выглядит достаточно рациональным.

В то же время для многих образ идеального кандидата был весьма размыт. На открытый вопрос анкеты, предлагавший изложить свое понимание целей и задач деятельности Совета определенного уровня, вообще ничего не смогли ответить более 2/3 респондентов. А не имея представления, чем именно обязан заниматься депутат в Совете, трудно сделать правильный выбор. И большинство пользовалось упрощенными схемами. Вот как, например, обстоит дело в Молдове. Избиратели действовали, чаще всего сообразуясь с такими критериями: свой (по национальному признаку) — не свой; коммунист — не коммунист; аппаратчик или нет (последнее рассматривалось, кстати, как самый тяжкий грех) [6]. И в этом вся премудрость выбора! Вряд ли подобный подход избирателя можно целиком отнести на счет низкой политической культуры. В огромной стране с неисчислимым разнообразием конкретных условий делать обобщающие выводы чрезвычайно рискованно. Но и спорить с тем, что уровень политической культуры в крупных городах существенно отличается от ее уровня у жителей села и многих регионов, не приходится. В Москве, скажем, ведущим ориентиром для половины избирателей была оценка способности кандидата выполнять положенные функции и решать задачи общегосударственного масштаба.

Избиратели Москвы на выборах Президента России

Изучение электорального поведения москвичей представляет особый интерес (уже в 1989 г. благодаря экономическому, научному, культурному и политическому потенциалу Москве была отведена роль «главного испытательного полигона» эффективности первых за последние 70 с лишним лет демократических парламентских выборов [5, с. 212]). Характеризуя его, обратимся к выборам Президента РСФСР, на которых далее и сосредоточим внимание.

Хотя формально на партийной основе была организована предвыборная кампания только одного претендента — либерального демократа В. Жириновского, по существу за Б. Ельциным тоже стоял блок партий. Что же до прочих претендентов, являвшихся членами КПСС, то к моменту выборов эту партию нельзя было рассматривать как единое целое. И идейно, и организационно ее кандидатов поддерживали различные силы: В. Бакатина — социал-демократическое крыло КПСС; Н. Рыжкова — РКП, занимавшая правоцентристские позиции; А. Макашова — течения, поставившие перед собой задачу вернуть общество к доперестроечному периоду, т.е. откровенно реакционные. Программные установки и выступления соперников не оставляли никаких сомнений, по какому пути пойдет развитие республики, если победит тот или иной кандидат. Понимал ли избиратель, что все зависит от выраженного им отношения к самой исторической судьбе республики (а во многом и страны)? Воспринимал ли выборы как противоборство политических направлений, преследующих различные и даже диаметрально противоположные цели? Данные³, которыми мы располагаем, позволяют ответить на этот вопрос скорее положительно, чем отрицательно.

Опрос избирателей, помогающий выявить мотивы принятия решения о голосовании или отказе от участия в нем, может самым существенным образом прояснить закономерности формирования политической ориентации. Но при одном важном условии — необходим одновременно серьезный аналитический разбор программ кандидатов, методов, приемов, стиля, приоритетов, которым они отдают предпочтение в избирательной борьбе, их выступлений в газетах, на радио и

---

3 Они получены в результате серии из трех опросов, проведенных в Москве Международным центром прикладных политических исследований в апреле, мае, июне 1991 г. (на них и будем опираться в дальнейшем изложении). Всего опрошено 980 человек. Выборка случайная, по спискам предварительно районированных избирательных участков.

Показатели отношения к выборам и баллотирующимся, %

Группы избирателей	Переживают за кандидатов	Относятся к кандидатам безразлично
1. Очень интересуются выборами	69	21
2. В определенной мере интересуются	40	42
3. В основном не интересуются	21	64
4. Совсем не интересуются	18	73

телевидении, а также организации предвыборной кампании и действий общественных групп поддержки.

Для анализа индивидуального поведения электора путем раскрытия личной мотивации, положенной в основание поведения, анализа, при котором на передний план выходят проблемы исполнения человеком гражданского долга, включенности в политический процесс, чрезвычайно важно установить, как субъективно воспринимались им выборы.

В мае 1991 г. на вопрос «Интересуют Вас или нет предстоящие выборы Президента РСФСР?» 36% избирателей-москвичей ответили «очень интересуют», 39% — «интересуют в определенной мере», 10% — «в основном не интересуют», 8% — «совсем не интересуют», 7% затруднились ответить. В качестве критерия отношения к выборам нами использовалась и степень заинтересованности избирателя в результатах голосования. Ответы на вопрос «Вы переживаете за определенного кандидата или Вам его успех безразличен?» оказались положительными у 49%, индифферентными — у 37%, остальные 14% не сориентировались.

Матрица сопряженности ответов на приведенные вопросы отражена в таблице.

Простой пересчет позиций по двум сопряженным показателям (выборы очень интересуют — переживаем за успех) к общей численности зарегистрированных в избирательных участках, свидетельствует, что реально большой интерес к выборам проявили 25%, а еще 16% были достаточно заинтересованны⁴. Словом, явно просматривается довольно сильная внутренняя мотивация участия в выборах, которая прямо сказалась на поведении электората. О решительном намерении голосовать заявили: а группе 1 — 82%, в группе 2 — 42%, в группе 3 — 21%, в группе 4 — 8%. Из десяти избирателей в Москве четверо голосовали по глубокому внутреннему убеждению, немногим более 1/4 их общего количества отнеслись к голосованию прохладно, треть же не пришла к урнам. Таковым предстает московский (а отчасти, возможно, и региональный) избиратель при более пристальном рассмотрении. Как видим, приходится твердо рассчитывать на активность только примерно 40% избирательного корпуса.

Кто же он, этот наиболее заинтересованный избиратель, который завтра все заметнее будет определять исход голосования (ибо резонно ожидать в дальнейшем отказа от участия в выборах многих из тех, кто уже сегодня относится к ним равнодушно)?

Возраст, пожалуй, главный различительный признак интереса к выборам (до 25 лет — 20%; 25—30 лет — 24%; 31—40 лет — 30%; 41—50 лет — 38%, 51—55 лет — 65%, 56—60 лет — 61%, после 60 лет — 38%), всего ярче проявляющегося у людей немолодых — самой политизированной части населения. Подобное можно сказать и о лицах с высшим образованием, среди которых очень интересовались выборами 46% (тогда как в категории избирателей, имеющих среднее образование, этот показатель равен 24%), и о тех, кто располагает доходом в размере от 200 до 250 руб. на члена семьи (у них индикатор интереса — 47%), и об интеллигенции,

⁴ К этой категории мы отнесли тех, кто в определенной мере интересовался выборами и одновременно переживал за успех конкретного кандидата.

особенно работников культуры и науки — 58% (среди рабочих — 20%, работников торговли и сферы обслуживания — 11%).

Итак, синтезированный образ явно заинтересованного избирателя: человек старше среднего возраста, с высоким уровнем образования, занятый интеллектуальным трудом, имеющий относительно высокий (по нашим меркам) материальный достаток. Ясно, что примитивными популистскими лозунгами его «не достать». В принципе он способен сделать осознанный, рациональный выбор, т.к. неплохо знает программные установки кандидатов: в группе 1 (очень интересовавшихся выборами), например, не знакомы были с программой Б. Ельцина 3%, в группе 2 — 14%, в группе 3 — 29%, в группе 4 (совсем не интересовавшихся выборами) — 45%. Заинтересованному избирателю свойствен известный радикализм. Если в группе 1 — 43% (почти каждый второй) считают себя приверженцами решительных действий, то в группе 4 — только 18%.

Электорат Б. Ельцина на 90% составляли избиратели групп 1 и 2, при этом 58% горячо «болели» за его победу. Для сравнения: из числа намеревавшихся отдать голоса Н. Рыжкову опереживал борьбу своего кандидата 31%, а 50% это не очень волновало. Таким образом, не остается сомнений, что контингент сторонников будущего Президента России был более устойчив и лишь в малой степени включал случайных людей. Оппозиционные же силы не смогли предложить достойного соперника. Похоже, половина избирателей основного конкурента — Рыжкова — голосовали за него не потому, что он их привлекал, а скорее «в пику» Ельцину или по случайному стечению обстоятельств.

Уточним некоторые наши выводы, анализируя механизм принятия избирателем решения о выборе. Каждым переживавшим за своего кандидата он сделан сразу после того, как стал известен список претендентов, и в дальнейшем не менялся. Собственно, борьба велась вокруг голосов только пятой части избирателей, которые и распределялись между кандидатами, а борьбу за примерно 18% (те, кто не были категорически против голосования, но все-таки не пришли на выборы) проиграли все кандидаты. Если же учесть, что 5—6% участвовавших в голосовании, так и не сориентировавшись ранее, склонились к окончательному выбору непосредственно в день голосования, на избирательном участке, то получается, что, строго говоря, кандидаты «разыграли» голоса всего 15% электората. Основная доля без колебаний и быстро определившихся отдала предпочтение Б. Ельцину — 35,6% (при этом еще 4—5% заявили, что скорее всего проголосуют за него), за Н. Рыжкова в мае стояли 16% москвичей (затем показатель снизился до 11%), В. Бакатина — около 2%, остальных — и того меньше. Исход выборов в основном был предreshен.

В сознании большинства избирателей заранее, практически до выборов, сформировался имидж основных соперников (Б. Ельцина и Н. Рыжкова), который и определил исход голосования. Согласимся с газетой «Известия» в том, что «трехнедельный избирательный спринт не мог изменить ни первого, ни второго призеров. Он только расставил четырех претендентов на третьем—шестом местах и именно этим ограничилось реальное значение избирательной кампании как таковой» [7].

Дабы окончательно поставить точки над «i», постараемся выяснить, в чем тут причина? Обусловлена ли она особенностями момента или уже сформировавшимися ориентациями избирателя?

Предвыборная кампания проходила на фоне обостряющегося экономического, политического и социального кризиса, резкого роста недовольства масс положением в стране. В условиях общей нестабильности и неразберихи, потери ориентиров люди даже трезвомыслящие, но доведенные до крайней черты, весьма поддаются психологическому воздействию. Понятно, что лидер, обладающий волей, уверенностью, способностью воздействовать на общественное настроение, оказывается в заведомо выигрышном положении, порой независимо от того, какую именно программу он выдвигает и в какой мере готов ее реализовать. В этом отношении шансы кандидатов не выглядели равными.

Не будем забывать еще одного обстоятельства: кандидаты, которых страна почти не знала (А. Макашов, А. Тулеев, В. Жириновский), были обречены на роль статистов. Не имея большого опыта политической деятельности, готовых программ, средств для популяризации своих предложений, трудно добиться успеха. Оставалось надеяться только на то, чтобы заявить о себе как о политических деятелях крупного масштаба и повлиять в ту или иную сторону на расстановку сил.

В сложившейся обстановке лишь один кандидат — Б. Ельцин имел безусловную фору. Тем более, что недавно он убедительно победил на Съезде народных депутатов РСФСР, к тому же широко был известен, а высокий пост в прошлом занимал сравнительно непродолжительное время и, согласно общественному мнению, не нес личной ответственности за все провалы и просчеты официальной политики. Его деятельность на посту председателя российского Верховного Совета полностью одобряли 35% опрошенных, частично — 37% и лишь 19% выразили неудовлетворение ею (9% затруднились ответить).

Так что же все-таки решающим образом определило намерения избирателей? Называя непосредственно перед выборами самое главное, что воздействует на их желание голосовать «за», избиратели на первое место (42,6%) поставили личные политические качества кандидата, на второе (16,2%) — прошлую деятельность, жизненный путь (чаще всего это относилось к Б. Ельцину), далее: программу — 7,6%, возможности баллотирующегося как государственного деятеля — 6,3%. Партийную принадлежность упоминали — 2,8%. Остальное указывали менее 2%.

Наша методика предусматривала также выяснение отношения и к кандидатам, вызывавшим особую антипатию у москвичей. Против В. Жириновского были настроены 27%, А. Макашова — 24%, Н. Рыжкова — 21%, Б. Ельцина — 5,7%, В. Бакатина и А. Тулеева — по 1%. Причины острой неприязни: личные политические качества — 42,5%, оценка возможностей кандидата — 15,2%, прошлая деятельность — 6%, человеческие, морально-нравственные черты — 3,8%, программа и партийная принадлежность — по 2%.

Из совокупности этих данных вытекают несколько выводов:

— два кандидата — В. Бакатин и А. Тулеев — не вызвали у жителей Москвы ярко выраженной положительной и отрицательной реакции (правда, о первом нельзя сказать, что он остался незамеченным). Б. Ельцин имел очень немного явных противников, и если бы дело дошло до второго тура, он в нем обязательно победил бы;

— поскольку из особенно неприемлемых кандидатов предлагалось назвать только одного, то, наверно, допустимо объединить высказавшихся против А. Макашова и В. Жириновского, и тогда получится, что правый радикализм вызывает резкую настроенность более половины всех голосовавших, а вместе с противниками Н. Рыжкова — ставленника консервативного лагеря — сторонники демократических перемен составляли почти 3/4 взрослого населения столицы;

— основным индикатором выбора являлся политический и моральный облик претендента, его имидж, сформировавшийся задолго до избирательной кампании. Платформе кандидата не придавалось решающего значения. Это обстоятельство немаловажное, окончательно оценить которое сложно. С одной стороны, можно сказать, что избиратель вроде не пытался разобраться в главном — соперничающих программах. С другой, во-первых, он от них уже устал (сколько их было и сколько кануло в Лету!), а во-вторых, общую направленность программ главных действующих лиц — Б. Ельцина и Н. Рыжкова — он представлял по предыдущим реальным делам, что и могло послужить точкой отсчета в оценке позиций всех кандидатов. Республика, страна стояли перед выбором пути, формы общественного строя. И генеральные противоборствующие устремления в обществе были избирателю достаточно ясны. Поэтому предпочтение отдавалось личности определенной политической ориентации.

Характерно, что избиратели в целом разобрались в политической расстановке: за Б.Ельциным — «Демократическая Россия», широкие слои народа; за А.Мака-

шовым — армия, РКП, за Н. Рыжковым — КПСС, РКП. При этом оценка личной позиции кандидата не всегда совпадала с оценкой позиции сил, поддерживающих его. Так, В. Бакатин, по общему мнению, настроен был более радикально, нежели силы (прежде всего КПСС), на которые он опирался, 23% москвичей считают его радикалом, 57% — центристом (Ельцина: 79,9% — радикалом, 15% — центристом, 6% — консерватором). Напрашивается предположение, что поражение Бакатина на выборах было не столько его личным, сколько тех кругов, которые он представлял. Это еще раз подтверждает, что примерно половина избирателей Москвы (а именно такая их часть правильно оценила политическую платформу основных кандидатов по центральному вопросу — глубине необходимых перемен в жизни страны) своим голосованием выразила поддержку не только Ельцину, но и всем стоящим за ним политическим силам.

Возможно возражение по поводу того, что термин «консерватор» имеет негативный оттенок, и его употребление при опросе не корректно. С этим трудно согласиться. 7% избирателей, нисколько не сомневаясь, поставили себе две крайние оценки (1—2), по 7-балльной шкале консерватизма—радикализма, более 8% — промежуточную — между «чистым» центристом (умеренным) и консерватором (суммарно 15% — приблизительно то же количество голосов, какое получили кандидаты, отстаивающие консервативные убеждения, исключая В. Жириновского, позиция которого плохо «вписывается» в шкалу). Включение этого термина в формулировку вопроса, полагаем, вовсе не обязательно должно настораживать респондентов или вызывать у них отрицательные эмоции⁵. В целом они так оценили свою позицию: 30,2% — радикалы, 16,8% — левоцентристы, примыкающие к радикалам, 29,2% — умеренные, «чистые» центристы, 8,3% — правоцентристы, 7% — консерваторы (остальные затруднились с ответом).

Резюмируя размышления об электоральном поведении, нам остается заключить, что президентские выборы дают веские основания для вывода: московский избиратель постепенно приобретает навык голосования на многопартийной основе, и соответствующее изменение законодательства не вызовет у него значительных затруднений. До половины москвичей обладают такой политической культурой и опытом участия в избирательных кампаниях, которые позволяют им сделать выбор компетентно. Примечательно — лишь 13,5% заявили, что идеал нашей будущей жизни видят в социалистическом обществе, опирающемся на прежние принципы; 26,7% выступают за обновленный социализм; 32,7% — за социал-демократическую модель скандинавских стран; 16,7% — чисто рыночную форму капитализма, подобную существующей в США и ФРГ; 10,5% не высказались. При таком раскладе консервативно настроенный кандидат не мог рассчитывать на успех в Москве. Другое дело, насколько глубоко и прочна готовность людей к решительным переменам, как они, в частности, откликнутся на коренную ломку экономики, когда вынуждены будут ощутить все ее тяготы.

Понятие уровня компетентности избирателя не есть нечто навсегда данное. Со временем оно будет наполняться новым содержанием, отвечающим более сложным требованиям. Старая модель участия в выборах, в основе которой в первую очередь лежит ориентация на какую-либо партию, становится явлением, обращенным в прошлое. Западноевропейские исследователи отмечают в своих странах повсеместный рост рядов независимых избирателей (их насчитывается сегодня до 40% от общей численности электората [8]), которые поддерживают партии на выборах не механически, а в тесной обусловленности с тем, как решаются насущные социально-

5 Вот так она в нашей анкете: «Сейчас в стране широко обсуждается вопрос, как нам жить дальше. Одни говорят — надо решительнее, смелее и быстрее переделывать всю систему. Другие, наоборот, призывают не спешить, больше опираться на прежний опыт, считая, что раньше было не столь плохо, как утверждают многие ныне. Первые называют радикалами, вторых — чаще всего, консерваторами. А кандидатов в Президенты РСФСР к кому бы вы причислили? К радикалам? Консерваторам? Умеренным? Или к кому-то еще? Оцените каждого кандидата (и себя) по 7-балльной шкале: 7 — очень радикален, 1 — очень консервативен, 4 — умеренный и т.д.»

экономические и внешнеполитические проблемы. Они стали гораздо образованнее, самостоятельнее, искушеннее в перипетиях политической борьбы и для выражения своих интересов уже не нуждаются в партиях в той мере, в какой это было раньше. Кроме того, и социально-классовый фактор не оказывает как прежде решающего воздействия на характер голосования. Менее велика теперь и роль имущественного положения.

Говорит ли сие, что наш избиратель безнадежно отстал от западного? Думается, нет. Ведь как раз то, что он не был накрепко привязан к голосованию партийным списком и другими сковывающими свободное волеизъявление ограничителями, служит тому подтверждением. Это поможет ему относительно легко освоить модели голосования, базирующиеся на иных системах ценностей и ориентирах. Главное, несомненно, в том, чтобы сама жизнь, развитие экономики актуализировали значимость ценностей нематериального порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Время выбора / Редактор-составитель В.С. Комаровский. М.: Политиздат, 1989.
2. *Левада Ю.* Динамика социального перелома: возможности анализа // Коммунист, М. 1989. N 2. С. 34.
3. *Вебер М.* Избр. произвел. М.: Прогресс, 1990. С. 509—545, 602—643.
4. *Janda K., Berry J., Goldmen J.* The challenge of democracy. Boston, 1990. P. 144—158.
5. Весна-89: география и анатомия парламентских выборов / Под ред. В.А. Колосова, Н.В. Петрова, Л.В. Смирнягина. М.: Прогресс, 1990.
6. *Казаков Л.* Лететь в одной стае // Народный депутат. 1991. №5. С. 36.
7. Перелом. У страны нет пути назад // Известия. 1991. 3 июля.
8. *Schmitt H.* On party attachment in Western Europe and the utility of Eurobarometer data // West European politics. L., 1989. V. 12. N 2. P. 122—139.